

обновив ораторский строй, что делает эти произведения, необоснованно обходимые вниманием историков отечественной поэзии середины прошлого века, заслуживающими более обстоятельного и углубленного исследования.

© Г. М. Самойлова
Курган

К ВОПРОСУ О РЕЦЕНЗИИ АНТИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ XIX ВЕКА

Проблема античных традиций в русском обществе XIX века до сих пор остается недостаточно разработанной и дифференцированной, хотя к ней обращались исследователи. Между тем ее решение может пролить свет на вопросы, связанные с осознанием процессов, сходных с Ренессансом в европейской культуре. Рецензия античных традиций занимает в этом аспекте особое место.

Займствование и приспособление русским обществом XIX века культуры античности шло в разных направлениях. Активное изучение языков, истории, искусства, быта и нравов древнего общества, соотнесенного с радостной эпохой «детства человечества», не могло не сказаться на духовной жизни России XIX века. Можно даже фиксировать возникновение целой группы людей, для которых античность была реальнее окружающей действительности, которые жили в мире былого, разделяя его вкусы, пристрастия, наклонности.

Традиции античного театра определяли творческие пристрастия русских авторов не только XVIII, но и XIX века, тяготевших к жанрам трагедии и комедии. «Маленькие трагедии» А. Пушкина – дань этой общей традиции. Произведения в античном духе задумывались одним из авторитетнейших театральных деятелей начала XIX века П. Катениным.

Традиции античного мира вместе с системой представлений о мире, в том числе тех, что нашли отражение в античной мифологии, по-своему воплощались в творчестве русских авторов. К примеру, количество реминисценций, цитат, параллелей, связанных с творчеством Овидия, в поэзии Пушкина настолько велико, что вряд ли поддается какому-то учету, классификации.

Интерес к античности не ослабевал и в русском искусстве второй половины XIX века. Частным случаем проявления этого общего интереса являются платоновские мотивы в творчестве Льва Толстого. В «Анне Карениной», пронизанной «мыслью семейной», любовной темой, настойчиво звучат переключки с «Пиром» Платона, которые читателями пока незамечены.

Позволим себе несколько дополнительных замечаний по поводу «Пира» Платона. Это произведение входило в круг обыденных разговоров Толстого уже в 1850-е годы.

В отличие от Достоевского Толстой тянулся к античной культуре в течение всей своей жизни. Он видел в ней чистое и неиспорченное детство человечества. О «Войне и Мире» Толстой говорил, что она как «Илиада».

В 1880-е годы писатель подружился с профессором Московского университета Н.Я. Гротом, пытавшимся синтезировать идеи пантеизма и систему Платона, что не могло не интересоваться Толстого. Кстати, именно Н.Я. Гротом редактировался трактат Толстого «О жизни». Писатель через всю жизнь пронес интерес к платоновским идеям. Они укладывались в его рассуждениях о невидимом центре души человека до его физического рождения, в мыслях о том, что наша реальная жизнь во времени и пространстве – подобие другой истинной жизни и во многом другом.

В 1891 году Толстой упоминал «Пир» Платона в числе произведений, произведших на него большое впечатление.

В начале «Пира» Платон описывает забавное происшествие, случившееся с Сократом, который пригласил случайно им встреченного Аристотеля на ужин к Агафону, но, отстав, сам оказался не ведущим, а ведомым.

Ситуация «входа в собрание» и забавной смены ролей подхвачена Толстым в «Анне Карениной» в седьмой главе романа, когда Левина везут в клуб, чтобы познакомить с этим «храмом праздности». Довольно важное место занимает рассказ о «шлюпиках». Это клубный термин. «Знаешь, когда яйца катают. Когда много катают, то делается шлюпик. Так и наш брат: едешь – едешь в клуб и сделаешься шлюпиком».

Таким образом, произведение античного автора не прямо, но косвенно напоминает о себе.

Впервые в «Анне Карениной» «Пир» Платона упоминается в одиннадцатой главе первой части в сцене своеобразного пира Левина и Облонского в ресторане. В ответ на замечание Облонского о двух типах женщин Левин произносит следующее: «Если ты хочешь мою исповедь относительно этого, то я скажу тебе, что не верю, чтобы тут была драма. И вот почему. По-моему, любовь... обе любви, которые, помнишь, Платон определяет в своем «Пире», обе любви служат пробным камнем для людей. Одни люди понимают только одну, другие другую. И те, что понимают только неплатоническую любовь, напрасно говорят о драме. При такой любви не может быть никакой драмы. «Покорно вас благодарю за удовольствие, мое почтение», вот и вся драма. А для платонической любви не может быть драмы, потому что в такой любви все ясно и чисто, потому что...»

Обрывая речь персонажа на полуслове, не ставя точки. Толстой тем самым как бы вовлекает читателя в большой диалог о любви, проходящий через весь роман, перекликающийся в отдельных своих моментах с текстом платоновского «Пира».

Действительно, в «Пире», построенном в форме диалога, высказываний гостей, говорящих о своем понимании любви, то сужающемся, то бесконечно расширяющемся, Толстой мог почерпнуть разные подходы к волнующей его теме. Он не забывает ничего в своем произведении, не только воспроизводя эпизоды «Пира» в конкретных, хотя и мимолетных сценах, но и давая им попутно соответствующую оценку, обращенную также к собственным его персонажам. Вспомним речь Павсания из «Пира», посвященную двум Эросам, в которой прославляется однополая любовь. «Любители мальчиков» отдают предпочтение тому, что сильнее от природы. И таких людей, по его мнению, находится много в разных странах, где часто ни старый, ни молодой не усматривают ничего предосудительного в сближении подобного рода. Эти речи и рассуждения нашли косвенный отклик в «Анне Карениной», что читателями не замечено. Вспомним, как Вронскому, евшему перед скачками биштекс в общей зале артели полка, подсаживаются два офицера: «Один молоденький, с слабым, тонким лицом, недавно поступивший из пажеского корпуса в их полк, другой пухлый, старый офицер с браслетом на руке и заплывшими маленькими глазками». Пухлый офицер подчеркнуто внимателен к молодому: поворачивает для него стул, услужливо подает карту вин. Когда молодой офицер предлагает идти в бильярдную, пухлый покорно встает. Отвращение, насмешки и презрение Вронского и Яшвина вызывает эта пара «неразлучных», заставляющая вспомнить «Пир» Платона. Значимо и то, что эту пару Толстой помещает в мир Вронского, включая в сферу восприятия именно данного героя. В подобной соотнесенности, бесспорно, присутствует элемент авторской оценки и самого персонажа, настойчиво изображаемого в подчеркнутую физиологическом аспекте, чему служит, между прочим, постоянно повторяющееся сцепление мотивом еды и любви, пира и эроса, уже замеченное исследователями. (В. Ветловская).

Проблема рецепции античной культуры русским обществом XIX века еще требует своего решения. Углубленное рассмотрение структуры произведений, внимание к внефабульным связям и перекличкам, существующим в жанре романа, способно приоткрыть тайны глубинного взаимодействия отдаленных друг от друга временных дистанций.

© О. В. Седельникова
Томск

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КОНЦА 1840-Х ГОДОВ («НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ Е. П. МАЙКОВОЙ «НЕДОУМЕНИЕ»)

Ф. М. Достоевский принадлежит к числу немногих художников, очень рано определивших основную тему своего творчества. Еще в юношеском письме брату он с ощутимым поэтическим восторгом формулирует ее¹ и, по сути дела, остается верен ей до конца своей жизни. И в этом